

ВЕЛИЧАЙШЕЕ НЕСЧАСТЬЕ

Писательница фрау Берта Ласк подвергнута полицейскому и судебному преследованию одновременно в Берлине, Касселе и Галле. Она обвиняется в подстрекательстве к государственной измене. Она ставила пьесы. В них, по мнению юристов, она призывает к гражданской войне, а также подстрекает к насильственному изменению конституции. А все юристы, как известно, являются ревностными стражами конституции.

Поступки, противоречащие закону, мы обычно представляем себе как темные, загадочные махинации. Что за вздор! Писательница фрау Берта Ласк нарушает закон на глазах у тысячи шестисот человек, в ярко освещенном зале и при всеобщем ликовании. Поразительно! Однако юристов не поражает то, что столько народу в самые обычные времена выступает против того, что они именуют законом.

Самих постановок я не видел и не должен видеть. Достаточно того, что они доставили духовное удовлетворение тысячам людей и могли бы доставить его сотням тысяч, если бы не наложенное на них запрещение. «Лейна 1921» без сомнения воссоздает перед рабочими зрителями картины их прошлой жизни, той самой жизни, тяготы которой испытывают на себе сотни тысяч людей. Юристы же смотрят на это дело иначе, а именно так же, как и враги рабочих. То, что знают и видят рабочие, не должно показываться на сцене: отсюда запрещение.

«Драма-ревью» под названием «Завеса ядовитого дыма над Советской Россией», очевидно, отражает в образной форме мечты, порожденные отчаянием и надеждами. И эти мечты живут в бесчисленных сердцах — рядом с ненавистью к своему настоящему, которая приводит людей к коммунизму, рядом со стремлением к лучшей доле, которое привлекает людей на сторону Советской России. Но мечты не должны жить в человеческих сердцах, они не должны воплощаться в картине или пьесе; открыто выраженные, они тотчас же навлекают на себя гонения.

«Женитьба Фигаро» также призывала к гражданской войне, она также подстрекала к государственной измене, как и «Лейна 1921». Однако она была поставлена на сцене и ее не преследовали. Как раз те, против кого было направлено острие сатиры, рукоплескали комедии. Это было неблагоразумно: последовала революция. Поскольку, к счастью, «Лейна 1921» запрещена, революции больше не будет — таково убеждение юристов. А кому, как не им, разбираться в этом деле?

Эти люди появились сто лет тому назад. Это они посадили в тюрьму Готфрида Кинкеля и Фрица Рейтера, изгнали Гейне и Гервега и возомнили, что спасли этим феодализм. С таким же явным успехом они спасают теперь плутократию. Буржуазия смотрит на это и считает, что на этот раз все в порядке. Прежде она сомневалась. Прежде она стояла за свободу мысли — правда, по зрелом размышлении, она удовольствовалась требованием свободы для собственной мысли. Пролетарская мысль совпадала с понятием свободы мысли, только пока буржуазная мысль еще была недозволенной. В то же мгновение, как буржуазная мысль воплотилась, наконец, в буржуазной республике, пролетарская мысль оказалась под постоянным запретом.

В конституции, столпами которой являются юристы, также записано кое-что о свободе слова и печати. Имеется в виду буржуазное слово, буржуазная печать. Тысячи инакомыслящих хотели бы собраться, для того чтобы увидеть на сцене то, что они уже знают, — свою жизнь, и то, во что они верят и о чем они мечтают, — свое будущее. Запрещено.

Конечно, рабочие и не помышляют свести свою деятельность к посещению театральным представлений. Пролетариат давно уже не живет одними мечтами, он вышел из стадии подготовки к развитию или к «государственной измене». Много уже сделано им. У него свой собственный метод воспитания юношества. У него новая система образования, своя форма пропаганды, превосходство которой неоспоримо, еще не виданные способы взаимной выручки. Его ряды непрерывно пополняются — в этом также один из залогов его успеха. Пролетариат образует ядро общества, в котором осуществлены замечательные преобразования. Самостоятельно выработанные идеи и представления, собственный исторический опыт, пример по ту сторону границы, растущее возмущение господствующим злом, цель, правильность которой не вызывает сомнений,— все это дано ему. На его стороне все, что есть действительно живого. Кто может наложить запрет на это? Кто может наложить запрет на драматическое выражение жизни?

Своими запрещениями юридически образованные тупицы пытаются уверить юридически необразованных, что мир топчется на месте. Все, что исходит от плутократии, для этих тупиц «прогресс». Все, что сверх этого,— большевизм, подлежащий запрещению. Они называют большевизмом простое предположение, что в мире что-нибудь может изменяться, между тем как перед их глазами все ежедневно меняется.

Эти люди заслуживают глубокого сожаления — больше, чем их жертва, больше, чем писательница фрау Берта Ласк. Теперь повсюду имеются несчастные люди, которым преследование их убеждений причиняет жестокую боль. И у них есть одно преимущество перед их мучителями. Их положение можно ненавидеть, но не презирать. Им нечего стыдиться. Они не нарушают свобод, без которых сами были бы ничем, и не отвергают истин, после того как те перестают служить их выгоде. Погрязнуть так глубоко в несправедливости — значит отречься от духа, а это всегда величайшее несчастье для людей, независимо от их профессии и классовой принадлежности.